

ДИСКУССИИ И ДИСКУРСЫ
DISCUSSIONS AND DISCOURSES

Проблема ориентирования и навигации личности в антропологии: методологическая рамка

С.А. Смирнов*,
ФГБОУ ВО НГУЭУ, Новосибирск, Россия,
smirnoff1955@yandex.ru

В работе вводится концепт ориентирования и навигации личности как культурной практики. Проводится различие между ориентацией и навигацией. Ориентация понимается как практика сверки с существующими знаками и ориентирами в пространстве культуры, навигация понимается как практика выстраивания личностных маршрутов с целью поиска человеком своего места в мире. Показана проблема перехода от ориентирования в традиционных культурах, в которых практика ориентирования происходила на основе концепта Мирового дерева как всеобщей опоры, задающей ориентиры, к современным обществам, в которых базовые ориентиры и опоры перестали быть таковыми как общепринятые. Рассматриваются идеи и концепты ориентирования в философии и психологии человека на примере концепций П.Я. Гальперина и Б.Д. Эльконина. Показывается, что человек, ориентируясь не только в натуральном пространстве-времени, но и в смысловом символическом поле, формирует те необходимые опоры, которые становятся частями архитектуры личности.

Ключевые слова: ориентирование, ориентировочная деятельность, антропологическая навигация, философия человека, ориентир, опора, горизонт, поле, смысловое поле, психологическое поле.

The Problem of Orientation and Navigation of Personality in Anthropology: Methodological Framework

S.A. Smirnov,
Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia,
smirnoff1955@yandex.ru

The paper introduces the concept of orientation and navigation of personality as a cultural practice. It draws a distinction between orientation and navigation. Orientation can be seen as a practice of checking with signs and landmarks existing in the space of culture, while navigation is understood as a practice of designing personal routes which one uses in order to find his/her place in the world. The paper explores the transition from orientation in traditional cultures in which the orientation practice was based on the con-

Для цитаты:

Смирнов С.А. Проблема ориентирования и навигации личности в антропологии: методологическая рамка // Культурно-историческая психология. 2018. Т. 14. № 2. С. 93–101. doi:10.17759/chp.2018140210

For citation:

Smirnov S.A. The Problem of Orientation and Navigation of Personality in Anthropology: Methodological Framework. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2018. Vol. 14, no. 2, pp. 93–101. (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.17759/chp.2018140210

* *Смирнов Сергей Алевтинович*, доктор философских наук, заведующий Лабораторией стратегических и форсайтных исследований и разработок, Новосибирский государственный университет экономики и управления (ФГБОУ НГУЭУ), Новосибирск, Россия. E-mail: smirnoff1955@yandex.ru
Smirnov Sergey Alevtinovich, Doctor of Science (Philosophy), Head of Laboratory of Strategic and Foresight Investigations and Developments, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia. E-mail: smirnoff1955@yandex.ru

cept of the World Tree as the universal reference point, to modern societies in which the basic landmarks and foundations ceased to be generally accepted. Ideas and concepts of orientation in human philosophy and psychology are reviewed using the concepts of P.Ya. Gallperin and B.D. El'konin. It is revealed that an individual, navigating not only through the natural space-time, but also through the semantic symbolic field, forms those necessary scaffoldings that become parts of the architectonics of his/her personality.

Keywords: orientation, orienting activity, anthropological navigation, philosophy of man, landmark, scaffolding, horizon, field, semantic field, psychological field.

Введение

Как показали результаты различных исследований, ориентирование является одним из базовых видов деятельности человека [2; 3; 12; 17; 20]. Если посмотреть с этой точки зрения на ситуацию, в которую попал современный человек, то она может быть описана как ситуация дезориентации. Многие авторы высказывают мысль, согласно которой привычные для предыдущих исторических эпох культурный код или культурная память перестают выполнять функции базовых опор и ориентиров [12; 13]. Принимаемые человеком классических эпох культурные нормы и образцы перестают быть таковыми. Тем самым, можно говорить об определенной расфокусировке взгляда, в результате чего современный человек потерял ориентиры — культурные, социальные, мыслительные, жизненные, экзистенциальные. Поэтому имеет смысл провести работу по новой фокусировке, переориентации человека в мире, в жизни. Такая работа похожа на ту, которую проделывает путник, заблудившийся в незнакомом лесу. Ему необходимо для собственного самоопределения восстановить жизненные ориентиры и опоры, вновь обозначить свое место в мире, представить по-новому жизненный горизонт, с тем, чтобы обнаружить себя как присутствие в мире, что фактически задает главную проблему в антропологии — проблему событийности самого человека, к чему призывал М. Хайдеггер [16].

«Бытие имеет Место», — указывал Хайдеггер [16, с. 396]. Место, понимаемое как «присутствие себя в мире» [16, с. 393, 396, 398]. Человеку онтологически необходимо иметь место в бытии как существу. Проблема человека возникает тогда, когда человек утрачивает свое место в бытии или не находит его. Или когда человек перестает понимать, какая культурная форма может выполнять функцию ориентира и опоры для обретения места в мире.

Практика ориентирования и навигации в этой связи становится ключевой для человека, оказавшегося в ситуации культурной дезориентации. В таком случае имеет смысл восстановить исходные вопросы и смыслы, связанные с практикой ориентирования и навигации человека: что она есть как культурная практика, на каких опорах строится, в каких масштабах и в каком жизненном горизонте осуществляется.

Миф как опора

В своем повседневном поведении человек привык к тому, что фактически живет в постоянном

ориентировании, хотя не всегда это замечает. Повседневное ориентирование вплетено в нашу антропологию, в нашу телесность. Наши представления о мире, о жизни, привычные нам ценности, знания о добре и зле, возвышенном и низменном, прекрасном и безобразном и т. д. — все они встроены в привычные схемы ориентирования в пространстве-времени, в котором находятся места, помеченные нами же как верх и низ, правое и левое, передний и задний план, прошлое и будущее (в каком времени я живу?). Первым подсказчиком для нас является наше тело, его устройство, которое уже за нас «знает», где верх и низ, где правое и левое, где передний и задний планы. Это заложено в физиологии нашего мозга. Мы, будучи физически, телесно заземленными существами, прямоходящими и сориентированными в этом мире, изначально направлены на организованность нашего хронотопа. И. Кант в свое время писал об исходном чувстве правого—левого у человека [6]. Но дело состоит не только в пространственном чувстве. Дело в том, что и все наши представления о культурных нормах и образцах мы привыкли описывать в пространственно-временных моделях.

Исторически такие представления сложились в мифологической и религиозной картинах мира [14; 18]. Эти представления существуют как культурные константы, оседающие в языке, в культуре [13]. Эти константы были укоренены в первородных мифах, легших в основу всех последующих представлений человека о мире и своем месте в нем. Представления о пути и месте человека воплотились в базовых мифологических сюжетах о Мировом Древе, Доме, Пути и стали тем самым основой для ориентирования человека в культуре [11; 14; 18]. Человек мифа получал в своей жизни универсальный *путеводитель*, по которому можно было сверять свой жизненный Путь. Фактически ему предъявлялась *карта жизни*, организующая пространство для пути, в котором уже были предусмотрены базовые маршруты движения. В рамках этих маршрутов строились жизненные траектории, писались биографии и автобиографии. Было понятно, что такое истинный путь и что такое сойти с правильного пути, свернуть со столбовой дороги («налево», на кривую тропинку). Поэтому в предельной рамке Мирового древа складывается мифологема Пути [11; 14]. Эта мифологема организует мифологический и религиозный хронотоп. Прохождение по пути осмыслялось как преодоление преград, было связано с многочисленными

трудностями и в пределе понималось как подвиг, подвижничество. Человек отправляется в путь «в тридевятое царство», «по ту сторону», «на край земли». А само продвижение сопровождалось изменением и самого героя, его метаморфозом. После возвращения он предстает преображенным.

Остаются ли эти мифологемы Мирового Древа и Пути такими же базовыми опорами для ориентации у современного человека? Что означает практика ориентирования и навигации сегодня? Представители постмодерна полагали, что символический горизонт творения священного мира ушел и человек более не нуждается в таких опорах и ориентирах. Нам представляется, что человек всегда нуждается в базовых опорах для личностной навигации, при поиске своего места в мире. Но проблема заключается в том, что если в мире мифа Путь человеку уже предложен и ему предлагается проделать те или иные духовные практики, посредством которых он имеет шанс найти свое место в мире, то в современной действительности таковых шансов становится все меньше. В силу предельной проблематизации культурных констант человек испытывает культурно-символическую дезориентацию. Модель Мирового Древа перестает играть роль универсального каркаса для ориентации личности. Например, в мировой виртуальной сети исчезла ориентация с опорой на центр, поскольку в виртуальном мире центра и периферии, верха и низа просто нет. Привычная система культурного кодирования мира перестала быть всеобщей.

Но человек онтологически по-прежнему нуждается в разного рода попытках и практиках ощущения и приобщения себя к тому, что придает обыденной повседневной реальности смысл¹. Он нуждается в приобщении к символическому горизонту. Через соотнесение с ним и историческим началом человек становится и сам реально сущим. Если он не имеет доступа к подобного рода практикам приобщения к разным формам священного, то он перестает чувствовать опоры в мире, без которых он попадает в ситуацию дезориентации и как бы пропадает, теряет свое место, перестает быть реальным сущим [см. подробнее: 18]. В этой связи мы понимаем практику ориентирования не только как практику соотнесения себя как тела в натурально-физическом хронотопе, но и как практику соотнесения себя как субъекта действия и своей личности с символическим хронотопом, т. е. как культурную практику соотнесения себя с принятым в культуре смысловым, ценностным, жизненным горизонтом.

Ориентирование как концепт

В ряде современных исследований по антропологии идея ориентирования становится рамочной для построения концепта. Ориентирование понимается как базовая практика в жизни человека, как тип мышления о жизни в категориях времени-пространства [17; 20]. Важнейшим в ориентировании является не сама по себе фиксация устойчивых ориентиров, а способность строить ориентацию. Точнее, собственную навигацию, начиная с поиска и установления жизненных опор и ориентиров (таких, как смысл жизни, жизненный горизонт, жизненная траектория, траектория личности и т. д.) и заканчивая конкретными практиками навигации при поиске профессии, в личной жизни, в социальной реальности и т. д.

И здесь важны не столько готовые карты и схемы, знания об ориентировании, получаемые из наук и искусств, из личного опыта, сколько практики поиска и установления собственных опор и ориентиров, о которых в этих знаниях нет ни слова. Как часы не показывают нам время бытия, так и географическая карта не показывает нам жизненный путь². Более того, однажды найденные опоры завтра могут стать неработающими. Это знает каждый путник. При его движении к горизонту точка зрения смещается, равно как смещается и сам горизонт. Сдвиг точки зрения и горизонта становится исходным для понимания феномена навигации в целом.

А потому его собственная антропология, представление о самом себе, выглядит уже не как готовый концепт-конструкт, а как навигатор, карта-планшет, с помощью которой он может передвигаться по миру и по жизни, на которой он обозначает свое место на карте, горизонт и сам маршрут. Эту карту человек вынужден всякий раз составлять, перерисовывать и переориентировать, соотносить с передвигающимся жизненным горизонтом [см. подробнее: 12]. Жизнь человека может тогда описываться и осмысляться в категориях практик ориентирования и навигации, таких как горизонт, точка зрения, опора, пространство, время, ориентация, ориентир, навигация, навигатор, методы, способы и средства ориентации и навигации (технические, языковые, символические и проч.).

В таком случае мир в контексте навигации представлен не в виде готовой картины мира, а через знаки-ориентиры, через призму которых картина постоянно меняется. Это означает важнейший момент: знания о мире и о себе, понятия и представления теряют субстанциональные качества, они становятся эластич-

¹ Особенно такая потребность ощущается при попадании в предельные ситуации жизни и смерти. В. Франкл описывал свои попытки выжить в концлагере именно в категориях смысловых опор. В лагере прежде всего погибли те, кто лишился внутренней опоры. А опорой могла стать только смысловая связь между этим страшным настоящим и будущим. Связка времен становилась смысловой опорой. Именно смысловая дезориентация во времени нарушала «структуру внутренней жизни» и «лишала опоры» [15, с. 136–137 и др.].

² В то же время методы и принципы составления географических карт могут быть использованы в качестве инструментальной для составления так называемых карт личности, становящихся более предметными и содержательными конструктами для поиска опор и ориентиров, в отличие от ориентации на смысл, как было нами показано выше в случае с В. Франклом. Поэтому введение карт и картирования в практику личностного ориентирования и навигации может быть весьма полезным методом, структурирующим деятельность по навигации [см. подробнее: 9; 12]). Речь идет именно о практике кодирования и символизации смыслового пространства, а не просто о географических картах. Хотя уже сама карта как культурная форма не является копией территории. Карта — всегда образ территории, закодированный в знаках-индексах.

ными, подвижными, выступая в качестве *указатель-регулятивов*. Они важны своими регулятивными, указательными качествами, а не тем, что они означают некое ставшее содержание. Да и сама жизнь человека становится жизненным вектором, направленным во вне, за пределы. Привычные категории европейской науки, такие как субъект, субстанция, сущность, природа, объект, не могут выполнять функции таких понятий-указателей. Таковыми становятся такие понятия-указатели, как *смысл, горизонт (предел), жизненная траектория, направление, вектор движения, событие* (важный эпизод в маршруте).

Известно, что в психологии концепт ориентировочной деятельности выстраивал П.Я. Гальперин [2; 3]. Для всякого живого субъекта, справедливо замечал он, важнейший мотив в поведении — стремление «разобраться в ситуации». Последнее является общей задачей в любой ориентировочно-исследовательской деятельности. Эта задача распадается на ряд подчиненных задач: «... исследование ситуации, выделение объекта актуальной потребности, выяснение пути к цели, контроль и коррекция, то есть регуляция действия в процессе исполнения» [2, с. 156]. В целом, такая схема поведения характерна для всех животных, осуществляющих ориентирование в поисках добычи и места для жилья. Но у человека ориентировочное действие сначала формируется в идеальном плане, как «идеальное действие», с точки зрения «потребного будущего» (термин Н.А. Бернштейна), как воспроизведение будущего действия в плане образа действия.

Как правило, при поиске ориентиров в готовом виде их нет. И потому важнейшим видом действий является *проба* [2, с. 164]. Фактически, идея пробного действия становится одной из самых интересных и плодотворных в психологии. Методологию и методику построения пробных действий активно и плодотворно развивает Б.Д. Эльконин [19]. Пробным действием человек намечает *черновик маршрута*. Особенно это важно в ситуации неизвестности, если территория, по которой он идет, ему совершенно не известна. В этой связи Б.Д. Эльконин вводит понятие *пробно-продуктивного действия* [19, с. 155]. Он полагает, что необходимо развести два подхода в понимании пробного действия: с точки зрения, условно говоря, прямого, контролируемого управляемого действия и с точки зрения незавершенного пробно-продуктивного действия.

Первый подход был разработан в концепции Гальперина. Согласно этому подходу, человек сначала формирует образ действия, затем его осуществляет, в результате чего этот образ при реализации действия гаснет. Дальше — новое ориентировочное действие и т. д. Так строится схема прямой связи: ориентация — образ будущего действия — действие. Такая схема работает в производственной, трудовой деятельности, которая требует исполнения набора операций и контроля над исполнением. Такое проб-

ное действие, как отмечает Эльконин, осуществляется в «... мире правильных, уверенно-результативных, целестремительных действий», в мире труда [19, с. 154—155]. Но в таком случае пробное действие есть идеальный план будущего реального действия. По принципу они ничем не отличаются. В идеальном действии уже прописан план реального действия.

Возможен иной подход в понимании пробно-поисковых форм, замечает Эльконин. Согласно ему, пробное действие не завершается правильным, точным выполнением. Точнее, здесь интересны те действия, которые не предполагают завершенности и правильности исполнения. Эти действия могут быть не правильными, не совпадающими с заданным образом действия, являются не законченными, они сами требуют продолжения, больше похожи на «зондирование» и новую пробу, раздвигают горизонт для нового действия. В них действие не гаснет, а требует новой пробы. Такое действие Эльконин называет пробно-продуктивным. Оно рождается не в мире труда, а в мире игры и в мире жизненных событий. Они всякий раз требуют пересоздания новых норм и правил игры, новых договоренностей с участниками коммуникации, на нашем языке, — новой ориентации и навигации, прокладывания новых маршрутов, поскольку в ситуации поиска отсутствует заранее заданный маршрут. А потому поисковое действие инициативно и рискованно.

Именно в ситуации неизвестности путник прежде всего должен иметь карту. А при продвижении по местности он всякий раз сверяет карту и саму местность, чтобы всегда иметь понимание того, в каком он месте и каков его маршрут. Понимание человеком своего места в мире — ключевая опора для него. Место в мире в его разных масштабах, *сверка места и горизонта*, которые постоянно сдвигаются, и поиск в этой связи опор для движения являются ключевыми понятиями в антропологической навигации.

Если же у человека нет карты, то он вынужден искать ориентиры в окружающем пространстве-времени, чтобы провести ориентацию. Например, заблудившись в лесу, человек забирается на дерево, чтобы обозреть с высоты местность и понять, где он находится. Или он смотрит на звезды, на солнце. Он прибегает к своим знаниям, представлениям, воспоминаниям и сличает их с местностью. Тем самым он фактически начинает рисовать «карту-маршрут» для своего дальнейшего движения. Он присваивает природным объектам функции ориентиров, рисует не существующую карту у себя в сознании. Без нее он просто остановится, будучи полностью дезориентирован³.

Гальперин замечал, что важнейшим моментом здесь является определение «точки взора», своего места в пространстве. Базовым моментом здесь является «градиент цели» [2, с. 167]. С одной стороны, субъект переживает определенную потребность. С другой стороны, в реальной ситуации этот субъект

³ Выше мы уже заметили, что карта и картирование важны именно для практики кодирования своего места. Карта важна не сама по себе, а для того, чтобы пометить свое место, зафиксировать свой шаг [9; 12].

опознает внешний объект и выделяет его как тот, который отвечает этой потребности. Связка потребности и объекта потребности образует «смысловую центрацию, определенный смысл» [там же]. Исходя из этой связи, ставится цель пути и строятся этапы продвижения. Затем осуществляются коррекция движения и далее — достижение цели.

Итак, с одной стороны, человек испытывает потребность в получении средства, источника для жизни (пока здесь не важно — витальная, социальная, культурная иная форма жизни, она уже есть, т. е. испытывается человеком как живым существом). С другой стороны, во внешнем мире он ведет поиск ориентиров, опорных точек, которые позволяют обустроить ситуацию, задать ей смысловую устойчивость. Как пишет Гальперин: «... в целенаправленном действии основная цель есть первое и очевидно значимое среди прочих объектов поля, которые выделяются и запоминаются лишь по мере увязки с нею» [2, с. 168]. Тем самым в этой ситуации образуется определенное смысловое поле, внутренне связанное и понятное с точки зрения того, как действовать. Субъект ориентирования осуществляет идеальное пробное действие и затем — реальное, сверяя свое перемещение по полю действия, держа в уме смысловой каркас ситуации.

Заметим, что Гальперин не сомневался в том, что поведение человека в норме есть разумное целевое поведение. Поэтому можно его формировать, задав ему ряд требований, а целевое предметное действие можно описать с точки зрения определенных критериев-ориентиров, таких как разумность, обобщенность, сознательность, автоматизированность, подконтрольность и т. д. [3, с. 236]. Такое понимание было связано с тем, что в основании его концепта были заложены такие представления о человеке, как разумность поведения, целеполагание, моральные ценности, нравственные идеалы и т. д. Несмотря на то, что человеку приходится постоянно осуществлять переориентирование и корректировку своего движения, Гальперин все же допускал наличие и обязательность рамочных ориентиров как опор, которые не уходят и не исчезают при любой дезориентации.

От ориентирования к навигации

Выше обозначенный контекст проблемы, касающейся места и смысла ориентирования в жизни человека, фактически выводит нас на необходимость введения навигации как концепта и практики.

Мы будем говорить далее об антропологической навигации как о теории и практике ориентировочной деятельности, предполагающей сильную роль рефлексивного управления, в котором предметом становится самоопределение человека в жизненном пути, выстраивание им жизненных траекторий, складывание собственных жизненных маршрутов с помощью различных средств [12].

В повседневной жизни человек ориентируется по уже готовым ориентирам — знакам, образам, функциям которых он присваивает вещам и объектам, в силу чего мир ему предъясняется как карта ориентиров (по принципу — что такое хорошо, что такое плохо). В мире до него эти знаки и реперы уже расставлены. Как по звездному небу и розе ветров ориентируется человек на природе, так он ориентируется и в культуре по уже представленным ему знакам-ориентирам: ценностям, нормам, образцам поведения, представлениям о добре и зле и т. д. Также он ориентируется в любой сфере деятельности — в науке, искусстве, опираясь на накопленные знания, включаясь в научную и художественную традицию.

В отличие от этого опыта ориентирования антропологическая навигация предполагает проторивание, простраивание маршрута, в котором либо нет готовых ориентиров, либо они оказались стертыми, забытыми. Навигация в этом случае наиболее актуальна в ситуации культурной дезориентации, в которой необходимо восстановление опор, поиск своего места в мире, выстраивание заново всего смыслового целого, без которого человек как существо жить не может по определению.

Феномен ориентирования необходим в начальной жизненной ситуации, при столкновении человека с внешней средой и при поиске им готовых опор, ориентирующих его во внешней среде с точки зрения установления своего места. В качестве таковых внешних ориентиров выступают вещи, предметы, явления, люди, знаки, слова и другие вне его данные, уже существующие предметности. Человек ориентируется, чтобы разобраться в ситуации и получить готовый ответ — где он и кто он? Ориентирование происходит в данном человеку мире. Оно осуществляется в разных формах и масштабах, в разных сферах, начиная с поиска пищи и нужной студенту-заочнику книги в интернете для сдачи зачета и заканчивая поиском смысла жизни⁴. Результатом акта ориентировки является нахождение своего места и получение искомого предмета (пищи, книги, знака, информации и проч.). Это не значит, что ориентирование осуществляется сугубо по внешне мотивированной схеме действия. Внутренняя мотивация также присутствует, но она связана с получением готового сигнала, знака, предмета, с получением и употреблением их в виде добычи и рецепта.

В отличие от ориентирования, навигация начинается тогда, когда человек не имеет готовых ориентиров во внешнем мире и не имеет внутренней опоры. Он не может сориентироваться, не узнаёт, не слышит, не видит, не чувствует. Он нуждается в этом смысле в поиске себя, своего места. Но его (места) как внешнего ориентира нет и быть не может. Человек вынужден еще только прийти к нему, точнее, создать. В таком случае ищущий вынужден как бы самим собой фундаментировать место обитания под себя и формовать его, поскольку оно не дано в виде готового функциональ-

⁴ В силу привычного существования человека в натуральном хронотопе он и смысл жизни ищет как спрятанную где-то вещь. Это оседает в языке и схемах поведения.

но заданного топоса. Он начинает его зондировать и утрамбовывать, совершая пробно-поисковые действия и набрасывая маршруты в дикой местности, в зоне, которая сама постоянно меняется. Человек в навигации не ищет готовый ориентир, он ищет себя в постоянно меняющемся мире⁵.

Навигационное действие отличается от ориентировочного тем, что оно не гаснет в продукте, т. е. в фиксации шага, следа. Всякий акт навигации только расширяет горизонт и не заканчивается собой, не предполагает навсегда готовой карты. Человек-навигатор не имеет готовой карты пути, он вынужден всякий раз пересоставлять маршруты, поскольку границы пространства навигации плывут и пульсируют, смещаясь вместе с актом и субъектом навигации.

Смысловое поле и навигация

Психолог К. Левин в своей ранней работе описал один из эпизодов своего участия в первой мировой войне в категориях ориентирования, введя представление о психологическом поле и ландшафте [7, с. 87–93]. Артиллерийская часть, где он служил, постепенно продвигалась к *линии фронта*. По мере приближения воинской части к линии фронта цельный образ мирного ландшафта менялся. Он становился все более плоским и линейным. Если далеко от линии фронта у автора было представление о целом, объемном поле ландшафта, то по мере приближения к линии фронта он все более сплющивается, и поле перестает быть целым, объемным, оно становится структурированным с точки зрения того, что впереди, сзади, слева, справа. По мере изменения обстановки *границы опасной зоны* обстрела и перемещений противника меняются. Возникают новые *места* опасности и исчезают старые. При маневренной войне это всегда возникает при перемещении *позиций* и смене *мест*. На поле военных действий *границы местности* постоянно пульсируют и мерцают. То граница опасности ближе, то дальше. То она четко выражена, то становится неопределенной.

Позиция также перемещается по мере того, как перемещаются границы опасной зоны. Вся зона боевых действий состоит из таких позиций, одни из которых более оборудованы и защищены, другие менее. Фактически, солдат существует в поле боя в этих позициях. Ландшафт структурирован для него именно в категориях границ опасной зоны и позиций. Но границы опасной зоны меняются, пульсируют. Равно как и позиции меняются, нет четкой, фиксированной позиции в маневренной войне. После того, как позиция исчезла, переместилась, на ее месте остается просто местность, просто дорога, просто канава, овраг. Как только куда-то перемещается граница опасной зоны и необходимо обустроить место, овраг стано-

вится оборудованной позицией. После того, как боевые действия перемещаются, ландшафт перестает структурироваться в категориях *границ и позиций*, становится более круглым, расплывчатым, простирающимся по всем направлениям, и в нем нет таких четких привычных ориентиров.

Этот пример показывает, что человек ориентируется не в самой по себе местности, не в самом по себе натуральном пространстве-времени. Он маркирует местность и как бы перерисовывает ее в зависимости от ситуации. Он как бы вырезает на территории поле действий. Он ориентируется в поле смысловых маркеров, которые меняют местность, становящуюся полем с нанесенной на него картой военных действий.

Понимая это, К. Левин впоследствии ввел в психологию понятие психологического поля [7, с. 239–320]. Агент действия живет и действует не в натуральном пространстве-времени, а в структурированном целостном психологическом поле. Структура целостности поля постоянно меняется. К. Левин в результате вводит понятие психологического поля, но не только как концепт, но прежде всего как *метод работы*. Он рассматривал человека, его поведение именно через призму полевой парадигмы. Рамка поля настраивает умозрение исследователя, ставит ему оптику мышления и понимания: «По всей вероятности, теорию поля лучше всего характеризовать как метод: а именно метод анализа причинных отношений и построения научных конструктов» [7, с. 240].

Параллельно К. Левину Л.С. Выготский со своими коллегами также ввел близкий принцип, принцип смыслового поля. Они обнаружили опытным путем, что испытуемые, страдающие слабоумием, расстройством речи, парафазией, показывают в своем поведении явно выраженную привязанность к натуральной ситуации, к видимому, оптическому полю. Далее Выготский вводит представление о смысловом поле. Внешне психологическое поле может казаться одинаковым для людей, находящихся в одной ситуации. Например, ожидание трамвая для всех ожидающих кажется одинаковым. Но для того, кто спешит, и для того, кто не спешит, это внешне одинаковое поле будет по смыслу разным [10, с. 125–126]. Заметим, что именно идея смыслового поля, структурирующая в целом поведение индивида, несет в себе главную функцию по ориентации человека. Человек ориентируется не на трамвай, а на смысл его ожидания, который заключается вообще-то в конкретном времени и пространстве маршрута: человеку надо ехать тогда-то и куда-то.

Но далее Выготский ставит проблему: может ли человек менять полевою ситуацию или он зависит от своих потребностей и аффектов? Что значит — «становиться над ситуацией» и управлять ею? Нам, замечает Выготский, важны моменты, при которых субъект действия меняет структуру поля и его значение для себя. Дифференцированность поля, его структурность

⁵ Рельефным примером культурной навигации является та работа, которую проделал М.К. Мамардашвили в своих лекциях о Прусте [8]. В них он показал фактически один из вариантов метода навигации как проторивания пути в категориях сдвигающегося горизонта, событий пути, маршрутизации и превращения произведения (романа) в особый «орган», становящийся «оптическим прибором» по маршрутизации, средством видения того, что происходит с человеком.

зависят как раз от смысловых мыслительных моментов, от смыслового фактора, который и определяет эту дифференцированность. Само переключение систем и структур поля зависит от того, как меняется «смысловое значение ситуации» [10, с. 127]. И «... чем более разумное отношение к ситуации понятнее, чем более дифференцированы и более гибки внутрипсихические системы, тем большая свобода будет выявлена в отношении к окружающему» [10, с. 127]. Эта свобода дает возможность «стоять над ситуацией», она выражается в гибкости и дифференцированности психических структур. Такая свобода над ситуацией и видимым натуральным полем наблюдается у здорового нормального человека. Обратная ситуация зависимости от натурального поля, от оснащенности и конкретности ситуации, связанной с инструментарием поведения, конкретными заданиями, словами, предметами, наблюдается у больных с расстройством психики, деменцией и парафазией. Больной не может переключать свои потребности и переструктурировать ситуацию. Он находится не в смысловом поле, а в поле натуральном, он является «рабом видимого поля». В отличие от последнего, смысловое поле есть, как пытались определить Выготский и его коллеги, «... та психологическая ситуация, которая обуславливается степенью и понятностью, и дифференцированности аффективных систем. Понятность (тип обобщения) и является тем фактором, которым определяются векторы смыслового поля <...> У нормального человека, мыслящего понятиями, смысловое поле иначе структурируется, векторы возникают по иному закону: человек владеет своим полем, как бы стоит над ним» [цит. по: 4, с. 126)]⁶.

Введение концепта поля (смыслового и психологического) было важно для психологии с точки зрения показа принципиального различия между разумным, точнее осмысленным, поведением и неразумным, неосмысленным поведением, т. е. как *норма человеческого*. Человек в норме живет не в натуральной оптической ситуации, а в смысловой реальности, которая не является натурально фиксированной. Она постоянно меняется, и потому мы вынуждены прибегать к такому концепту, как поле и навигация в нем, посредством которого показывается мерцающий и пунктирный характер границы человеческой реальности, ее постоянная неустойчивость и динамика внутренних процессов. Важно при этом иметь в виду, что смысловое поле выступает, с одной стороны, как конструкт, с помощью которого исследователь анализирует степень развития разумности и сформированности осмысленного поведения у человека, с другой стороны, как реальность, име-

ющая онтологический статус, свои этапы развития, начиная с внешнего для индивида психологического плана и заканчивая внутренним планом, экранирующим процессы взаимодействия человека с миром [10, с. 133–134]. Е.Ю. Завершнева отмечает, что концепт смыслового поля заставляет нас допускать пространственные метафоры, которые могут ввести в заблуждение [4, с. 134]. Но это нормально, учитывая, что человек как живое существо всегда обитает во времени-пространстве⁷.

Итак, принцип поля выступает в качестве методологического регулятивного принципа, к которому мы прибегаем для понимания специфики навигации человека. Человек осуществляет навигацию не столько в вещном мире, сколько в смысловом поле навигации⁸.

Масштаб навигации

Вернемся к началу нашей статьи и постановке проблемы. В пределе практика навигации человека происходит в онтологическом горизонте, поскольку ставит целью поиск человеком своего места как сущего в мире. Поиск места дает шанс найти себя как сущее. С этим связано и представление о масштабе и критериях навигации. Масштабом становится место в жизни. А критерием для выбора ориентиров навигации становится такая онтологически значимая опора, как событие [16, с. 402–403]. Но событием становится, по определению М. Хайдеггера, сцепка, встреча бытия и времени: именно «предусмотрение» человеком в своей жизни собственной уместности как присутствия позволяет ему становиться онтологически укорененным, уместным. Такие моменты онтологической уместности и преодоления времени как простой хронологии, проживание таких моментов, создающих событие, делают человека реальным навигатором своего пути. Человек отвечает на онтологический вызов, заключающийся в том, что он, всегда временный и уходящий, пытается совершить ответ. А при построении ответа как совершения присутствия он становится онтологически событийным, преодолевающим забвение. Если человек обретает место в бытии, то он тем самым преодолевает культурную дезориентацию: «Время и бытие сбываются в событии» [16, с. 404]. А таковым событием становится человек, так поступающий.

Если навигация есть культурная практика, предполагающая поиск моего незаменимого никем места в мире, то критерием этого поиска становится особого рода событийность как обнаружение поворотности, обозначение перекрестков-переходов по мере пути-продвижения. А критерием событийности ста-

⁶ Проблематику смыслового поля Выготский рассматривает на многих примерах, в том числе на тематике детской игры, в которой ребенок играет со смыслами, нежели с вещами (перепредмечивание предмета, тапок становится пароходом и т. д.) [1].

⁷ Необходимо заметить, что благодаря публикации записных книжек Л.С. Выготского мы можем увидеть, как Выготский свою культурно-историческую психологию выстраивал навигационным методом [5]. Читая его записные книжки как следы поиска, видишь, как он шел извилистой дорогой, проторивая путь к вершинной психологии. Подобные биографические публикации показывают фактически жизнь метода. Каждая записная книжка здесь выступает событийным узлом в извилистой дорожке поиска, а не заранее выстроенной хронометрической картой.

⁸ Следующим методическим шагом в таком случае и становится переход к картированию, с помощью которого смысловое поле структурируется и становится символически значимым. Поле населяется событиями, треками, перекрестками, переходами [9; 12].

новится не сам по себе факт эмпирической биографии индивида (родился, женился, воевал, работал, ушел в отставку, умер), а особого рода события, имеющие отношение к построению архитектоники личности, укорененной в онтологической ткани жизни.

Концепт навигации дает в таком случае исследователю новые возможности выстраивать отвечающую вызовам неклассическую антропологию, с тем, чтобы человек оставался событием и не терял горизонт жизненного мира.

Финансирование

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект №14-18-03087 «Построение неклассической антропологии. Новая онтология человека»).

Funding

This work was supported by the Russian Science Foundation (project №14-18-03087 “New Ontology Construction nonclassical human anthropology”).

Литература

1. Выготский Л.С. Игра и ее роль в психическом развитии ребенка // Вопросы психологии. 1966. № 6. С. 62–76.
2. Гальперин П.Я. Психология как объективная наука. М.: Изд-во Моск. псих.-соц. института; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2003. 480 с.
3. Гальперин П.Я. Введение в психологию. М.: КДУ, 2015. 332 с.
4. Завершнева Е.Ю. Представления о смысловом поле в теории динамических смысловых систем Л.С. Выготского // Вопросы психологии. 2015. № 4. С. 119–135.
5. Записные книжки Л.С. Выготского. Избранное / Под общ. ред. Екатерины Завершневой и Рене ван дер Веера. М.: «Канон+»; РООИ «Реабилитация», 2017. 608 с.
6. Кант И. Сочинения: в 8 т. Т. 8. Что значит ориентироваться в мышлении? / Под общ. ред. А.В. Гулыги. М.: Чоро, 1994. С. 86–105.
7. Левин К. Динамическая психология: избр. труды. М.: Смысл, 2001. 572 с.
8. Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути. М.: Фонд Мераба Мамардашвили, 2014. 1232 с.
9. Родман Б.Б. География. Районирование. Картоиды. Смоленск: Ойкумена, 2007. 372 с.
10. Самухин Н.В., Биренбаум Г.В., Выготский Л.С. К вопросу о деменции при болезни Пика // Хрестоматия по патопсихологии. МГУ: 1981. С. 114–149.
11. Смирнов С.А. Путь в структурах повседневности // Человек. 2004. № 6. С. 23–34.
12. Смирнов С.А. Антропологический навигатор. К событийной онтологии человека. Новосибирск: Офсет, 2016. 438 с.
13. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2004. 992 с.
14. Топоров В. Н. Мировое дерево. Универсальные знаковые комплексы. Т. 1. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. 448 с.
15. Франкл В. Сказать жизни «Да!». Психолог в концлагере. М.: Альпина нонфикшн, 2017. 239 с.
16. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 447 с.
17. Штегмайер В. Основные черты философии ориентации. Ориентация. Жизнь как граница мышления // Стратегии ориентации в постсовременности. СПб., 1996. С. 3–35; 54–68.
18. Элиаде М. Священное и мирское. М.: МГУ, 1994. 144 с.

References

1. Vygotskii L.S. Igra i ee rol' v psikhicheskom razvitii rebenka [Game and its role in psychological development of Child]. *Voprosy psikhologii* [Questions of Psychology], 1966, no. 6, pp. 62–76. (In Russ., abstr. in Engl.).
2. Gal'perin P.Ya. Psikhologiya kak ob'ektivnaya nauka [Psychology as objective science]. Moscow: Publ. Mosk. Psikh.-sots. instituta; Voronezh: Publ. NPO «MODEK», 2003. 480 p.
3. Gal'perin P.Ya. Vvedenie v psikhologiyu [Introduction to psychology]. Moscow: Publ. KDU, 2015. 332 p.
4. Zavershneva E.Yu. Predstavleniya o smyslovom pole v teorii dinamicheskikh smyslovykh sistem L.S. Vygotskogo [Conceptions about sense field in the theory of dynamical semantical systems of Vygotsky]. *Voprosy psikhologii* [Questions of Psychology], 2015, no. 4, pp. 119–135. (In Russ., abstr. in Engl.).
5. Zapisnye knizhki L.S. Vygotskogo. Izbrannoe [Vygotsky's notebooks. Selected]. In Zavershneva and R. Van der Veer (eds.). Moscow: Publ. «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya», 2017. 608 p.
6. Kant I. Sochineniya: v 8 t. T. 8. Chto znachit orientirovat'sya v myshlenii? [Works: in 8. Vol. 8. What does it mean to be guided in thinking?]. In Gulyga (ed.). Moscow: Publ. Choro, 1994, pp. 86–105.
7. Levin K. Dinamicheskaya psikhologiya. Izbr. tr. [Dynamic Psychology. Selected Works]. Moscow: Publ. Smysl, 2001. 572 p.
8. Mamardashvili M.K. Psikhologicheskaya topologiya puti [Psychological topology of the Way]. Moscow: Publ. Fond Meraba Mamardashvili, 2014. 1232 p.
9. Rodoman B.B. Geografiya. Raionirovanie. Kartoidy [Geography. The Zoning. The Carthoids]. Smolensk: Publ. Oikumena, 2007. 372 p.
10. Samukhin N.V., Birenbaum G.V., Vygotskii L.S. K voprosu o dementsii pri bolezni Pika [On the issue of dementia in Pick's disease]. *Khrestomatiya po patopsikhologii* [Reader on pathopsychology]. Moscow: Publ. MGU: 1981, pp. 114–149.
11. Smirnov S.A. Put' v strukturakh povsednevnosti [The way in the structures of everyday life]. *Chelovek* [Chelovek], 2004, no. 6, pp. 23–34. (In Russ., abstr. in Engl.).
12. Smirnov S.A. Antropologicheskii navigator. K sobytiinoy ontologii cheloveka [Anthropological navigator. To the eventful ontology of man]. Novosibirsk: Publ. Ofset, 2016. 438 p.
13. Stepanov Yu.S. Konstanty. Slovar' russkoi kul'tury [Constants. Dictionary of Russian Culture]. Moscow: Publ. Akademicheskii Proekt, 2004. 992 p.

19. Эльконин Б.Д. Опосредствование. Действие. Развитие. Ижевск: ERGO, 2010. 280 с.
20. Stegmaier W. Philosophie der Orientierung. Berlin. New York: Walter de Gruyter. 804 p.
14. Toporov V.N. Mirovoe derevo. Universal'nye znakovye komplekсы Т. 1. [World tree. Universal sign systems. Vol. 1]. Moscow: Publ. Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi, 2010. 448 p.
15. Frankl V. Skazat' zhizni «Da!». Psikholog v kontslagere [To say life "Yes!". Psychologist in the concentration camp]. Moscow: Publ. Al'pina nonfikshn, 2017. 239 p.
16. Khaidegger M. Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya [Time and Being: Articles and Speeches]. Moscow: Publ. Respublika, 1993. 447 p.
17. Shtegmaier V. Osnovnye cherty filosofii orientatsii. Orientatsiya. Zhizn' kak granitsa myshleniya [The main features of the philosophy of orientation. Orientation. Life as a Boundary of Thinking]. *Strategii orientatsii v postsovremennosti* [The Strategy of Orientation in Postmodernity]. Publ. Saint-Petersburg University, 1996, pp. 3–35; 54–68.
18. Eliade M. Svyashchennoe i mirskoe [Sacred and mundane]. Moscow: Publ. MGU, 1994. 144 p.
19. El'konin B.D. Oposredstvovanie. Deistvie. Razvitie [Mediation. Act. Development]. Izhevsk: Publ. ERGO, 2010. 280 p.
20. Stegmaier W. Philosophie der Orientierung [The Philosophy of Orientation]. Berlin. New York: Walter de Gruyter. 804 p.